

■ ЗАКОН СИЛЬНОЙ

Криминальное соло Марины Крамер

ЧИТАЙТЕ РОМАНЫ НОВОЙ ЗВЕЗДЫ КРИМИНАЛЬНОЙ МЕЛОДРАМЫ

МАРИНЫ КРАМЕР

Мое жестокое счастье, или Принцессы тоже плачут
Все оттенки желаний
Привилегия женщин
Тайны взрослых девочек

Сериал «Журналистка из Изумрудного города»
Жить на свете стоит
Умереть, чтобы жить

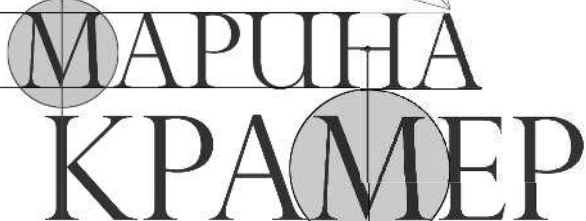
Сериал «По прозвищу Щука»
Я не ангел
Не верь, не бойся, отпусти
Соблазны Снежной королевы
Закон ее прошлого

Сериал «Кодекс жены самурая»
Три женских страха
Дочь мафии
Жена самурая
Последнее японское предупреждение
Школа выживания волчицы

Сериал «Черная вдова Марина Коваль»
Черная вдова, или Ученица Аль Капоне
Нежная стерва, или Исход великой любви
Первая леди города, или Между двух берегов
Госпожа страсти, или В аду развод не принят
Карающая богиня, или Выстрел в горячее сердце
Королева мести, или Уйти навсегда
Роскошная хищница, или Сожженные мосты
Хозяйка жизни, или Вендетта по-русски
Мост в прошлое, или Паутина для Черной вдовы
Инкогнито грешницы, или Небесное правосудие
Визит с того света, или Деньги решают не все
Судьбу не изменить, или Дамы выбирают кавалеров
Охота на мстителя, или Дамы убирают кавалеров

Сериал «Танго под прицелом»
Мэри, или Танцы на лезвии
Марго, или Люблю-ненавижу
Алекс, или Девушки любят негодяев
Дар великой любви, или Я не умею прощать
Финальный танец, или Позови меня с собой

Сериал «Сердце следователя»
Требуется влюбленное сердце
Время злых чудес

The title 'МАРИША КРАМЕР' is rendered in a large, black, serif font. The letter 'М' is partially enclosed by a grey circle on its left side, and the letter 'Р' is partially enclosed by a grey circle on its right side. A horizontal line passes through the middle of the text. In the upper right corner, there are several geometric shapes: a small inverted triangle, a larger 3D pyramid, and another small inverted triangle.

МАРИША
КРАМЕР

**МОСТ В ПРОШЛОЕ,
ИЛИ ПАУТИНА
ЧЕРНОЙ ВДОВЫ**

Москва

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К77

Разработка серийного оформления *С. Прохоровой*

Крамер, Марина.

К77 Мост в прошлое, или Паутина Черной вдовы : роман / Марина Крамер. — Москва : Эксмо, 2018. — 320 с. — (Закон сильной. Криминальное соло Марины Крамер).

ISBN 978-5-04-094522-1

Беспощадная и прекрасная Марина Коваль — лидер крупной криминальной группировки — мертва. В этом уверены враги Марины, и лишь несколько человек знают о том, что она превратилась в законопослушную английскую леди Мэриэнн Силву, живущую в тихом пригороде Бристоля. Но проклятое прошлое не отпускает. Старый приятель Гриша Бес, и без того урвавший после Марининой «смерти» огромный кусок, похищает ее сына. Коваль понимает — пока в России у нее есть враг, спокойной жизни не будет. И она возвращается! Возвращается, чтобы мстить...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-094522-1

© Крамер М., 2018
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2018

Лондон

«Как же больно... кто бы мне заранее сказал, что будет так больно... нет сил терпеть, просто нет сил. И это я — человек, общавшийся на «ты» с любым оттенком боли! Не думала, что в этой жизни есть что-то, чего я еще не испытывала...»

Тонкая рука тянется к тумбочке, шарит по ней и находит зеркало на длинной ручке. Подносит его к лицу, но там по-прежнему отражается какая-то упакованная в бинты мумия. Кровяные следы на белой марле, в прорезях блестят холодные синие глаза. Зеркало отброшено на одеяло.

«Как я вообще решилась на это, зачем? Опять все сначала, все снова. Не хочу, устала. Но уже ввязалась, поздно поворачивать, да и не в моих привычках делать это».

Сибирь

Он уже отвык от холода — от настоящего, русского холода, такого, какой бывает только здесь. Ежась и пряча в воротник лицо, высокий широкоплечий мужчина с белоснежным ежиком волос и такой же крашеной бородкой-эспаньолкой спустился по трапу и вошел в наполненный

людьми аэропортовский автобус. До здания, где располагался зал прилета, можно было дойти пешком — самолет стоял совсем близко. Но — так положено. Сибирь в феврале — то еще счастье. Пронизывающий ветер и мороз, в комплекте это вызывает желание забиться под одеяло с кружкой чая и не выходить из дома. Но мужчине нужно было сюда, непременно нужно, и для этого он предпринял жуткий по времени и нервным затратам вояж. Бристоль—Лондон—Бангкок—Сибирь. Почти двое суток в дороге. И сейчас еще почти сорок минут на такси. Встречать некому — его тут не ждали. Сюрприз...

Такси он нашел быстро — в зале прилета толклось множество желающих заработать извозом. Вещей у мужчины не было — все свое с собой, в большой спортивной сумке. Первый же таксист заломил цену, превышавшую тариф втрое, но когда мужчина сделал шаг в сторону, отрицательно качнув головой, он ухватил потенциального клиента за рукав и зашептал:

— Это, слышь... поехали, по дороге договоримся. Я не обману. Просто тут иначе нельзя — враз шины порежут.

Мужчина с интересом оглядел невысокого плотного водителя, прикинул, что в случае чего разберется с ним одной рукой, и согласился.

«Волга» с «шашечками» была припаркована сразу за шлагбаумом, водитель открыл багажник, но пассажир отказался, забросив сумку на заднее сиденье. Сам уселся туда же, едва втиснув огромное тело, упакованное к тому же в объемный пуховик с капюшоном, в узкую дверь.

С удивлением он наблюдал в окно за тем, как водитель снимает с крыши знак такси и небрежно бросает его на переднее сиденье.

Они успели отъехать от аэропорта километров на пять, уже началась хорошо знакомая лесополоса, сейчас сплошь заваленная снегом, когда наперерез «Волге» из кустов вынырнула старая иномарка. Водитель чертыхнулся, рванул руль влево, но сзади его тоже уже ждали. Заглушив двигатель, он нагнулся и стал шарить под сиденьем. Когда в его руках появилась монтировка, пассажир с оттенком жалости к себе вздохнул: «Ну, Хохол, не можешь ты без приключений. Как только ногой на родную землю — так шандец, слезай — приехали».

Дверки машины уже рвали с двух сторон какие-то люди в черных куртках и вязаных шапочках, натянутых на самые глаза. Водитель не успел даже пискнуть, как его вытащили из машины, сунули головой в снег и начали топтать ногами. Хохол неторопливо вылез и, потянувшись, спросил:

— И что за утренняя гимнастика для тех, кто в пути?

— Сядь обратно и захлопнись, а то и тебе наваляем, — не отрываясь, бросил один из нападавших.

Подобного пренебрежения к своей особе Жека Хохол стерпеть уже не мог.

— Ну, братва, извиняйте, коль что не так. — Он сбросил пуховик и, оставшись в тонкой шерстяной водолазке, схватил первого попавшегося

за куртку и пояс брюк, размахнулся и отшвырнул на дорогу.

Тот неловко упал, ударившись головой о бампер иномарки. Трое остальных замерли, выпустив водителя.

— Ты че, в натуре? — протянул один, медленно опуская руку в карман, но Хохол это предвидел. Быстрым броском он оказался рядом с говорившим и вывернул тому руку так, что мужик взвыл и рухнул на колени, а Хохол выдернул из кармана его куртки пистолет.

— У, как тут у вас по-взрослому-то, — протянул он, переводя пистолет с одного нападавшего на другого. — Ну что, юноши? Постреляем?

«Юноши», однако, были другого мнения о стрельбе в столь ранний час на пустой дороге. Они подхватились и побежали к машине, и через секунду старая иномарка, взвизгнув и пройдясь юзом по обледенелой дороге, умчалась в направлении аэропорта. Хмыкнув, Женька сунул приобретенный «ствол» за пазуху — кто знает, что может случиться, да и не бросать же его на дороге. Не война же...

Он помог подняться водителю, и тот, сплевывая кровавую слюну на измятый ногами снег, выругался:

— Вот же, а... заколебали, сволочи, работать не дают!

— Что это у вас? — поинтересовался Хохол, садясь в машину и закуривая. — Не возражаешь, если я в салоне покурю?

— Да кури, что ты... — Водитель сел за руль

и глянул в зеркало заднего вида. — Ну, отрихтовали рожу... что теперь жене брехать буду...

— Ну так и скажешь, как было.

— Ты что! Ей нельзя, она беременная у меня, узнает — расстроится! — вздохнул водитель. — Я ж и такую для того — ну, чтоб там пеленки-распашонки, всякое такое-этакое. Мне по жизни и своей зарплаты хватает, но ребенок — сам понимаешь. А тут объявились волки — единая такса — и все тут, всех чужих разгоняют, цену чтоб не перебивали. Сами ломают такое бабло — страх подойти, а у нас тут так — если не на тачке и не встретил никто, то будешь автобус этот до ночи ждать. Вот они и пользуются.

«Н-да, Россия-матушка, — подумал про себя Хохол, покуривая в приоткрытое окно. — Ничего-то не поменялось».

В доме, к которому подвезло его такси, горели окна — многоквартирный «скворечник» давно проснулся, и его обитатели собирались на работу, в институты, школы — кто куда. Только два окна в том подъезде, около которого Хохла высадил таксист, были темными. Это его встревожило — а что, если Мышка в больнице? Надо было все же позвонить...

Он вошел в подъезд и поднялся пешком до знакомой двери, нажал кнопку звонка и прижался ухом к холодному металлу в районе глазка, пытаюсь определить, есть ли кто-то в квартире.

— Кто там? — Женский голос успокоил его — Мышка дома.

— Открывай, не бойся — не менты.

Дверь открылась, и худая брюнетка в черном халате повисла у него на шее:

— Женька!!!

— Все, не ори, горло простудишь. — Он занес ее в квартиру и захлопнул дверь. — Ты одна, что ли? А Алена где?

Аленой звали дочь женщины.

— Они с мужем в Бельгию улетели, у него там турнир какой-то, а Аленку он с собой взял. Когда еще будет такая возможность...

— Удачно я заехал, попал аккурат к свободной женщине, — улыбнулся Хохол, и она рассмеялась:

— Прекрати.

— Ну, что ты, разве я о том?

Оба знали — не о том. И даже речи не могло быть ни о какой связи, даже намек — разве могут очутиться в одной постели брат и сестра? А они искренне считали себя родственниками, хотя никогда ими не являлись.

— Ты раздевайся, я пока чайник погрею.

Она прошла в кухню, зашумела там водой, брякнула чайником. Хохол скинул куртку и ботинки, прошел в ванную, на ходу успев бросить беглый взгляд на висевшее на вешалке ярко-желтое детское платье. Видимо, у Алены недавно был конкурс — дочь Мышки (которую вообще-то звали Машей, но благодаря Хохлу для всех в его доме она была Мышкой) занималась балльными танцами.

Мышка-Машка была довольно близкой подругой Марины, жены Хохла. Они познакомились давно, в Израиле, и это странное знакомст-

во как-то удивительно быстро перетекло в дружбу. Марина не подпускала к себе никого, будучи в силу жизненных обстоятельств женщиной осторожной, но с Машей сошлась. Они даже со спины были похожи, и любовь к черным вещам, и черные волосы — все это делало их одинаковыми. Разве что Мышка была меньше ростом, худее и чуть спокойнее. Хотя, если надо, тоже могла отбрить не хуже Марины.

Марина... Вечная головная боль и истеричная, звериная любовь. Даже сделав ее после многих лет бесплодных попыток своей женой, Хохол не стал спокойнее и увереннее в ней. Эта непредсказуемая женщина могла все. Она могла встать и уйти без объяснений, могла выгнать его из дома, не считаясь с тем, что живут они в Англии, а Хохол по сей день владеет английским на уровне пятого класса спецшколы для детей с отставанием в развитии. Но в этом была вся Марина Коваль — в далеком прошлом глава одной из крупных криминальных группировок за Уралом. Такое вот счастье досталось Хохлу на пятом десятке жизни.

— Жень, ты, может, в душ с дороги? — спросила Мышка из кухни. — Или сначала кофе-чай-сигарета?

— Сама ведь все понимаешь, — усмехнулся он и принялся стягивать с рук тонкие кожаные перчатки, с которыми в последнее время расставался только в жару, и то не очень охотно.

Хохол нестерпимо стеснялся своих рук, покрытых затейливыми татуированными перстнями, надписями и рисунками. Это пришло вне-

запно, в какой-то момент, когда Женька вдруг уловил резкий, неприятный контраст между прекрасной белой кожей Марины и вот этим «великолепием», прикасавшимся к ней. С тех пор, как бы ни сопротивлялась Коваль, он всегда носил перчатки. И никакие слова о том, что ей безразлично, как он выглядит, не убеждали Хохла в обратном. Он стыдился своего прошлого, которое так явно подчеркивали эти картинки и надписи.

— Жень, ну, что ты там? — Мышка выглянула из кухни, и в ее руке он увидел сигарету.

— Так и не бросила?

— Нет, не могу пока, — виновато прошелестела Мышка. — И потом, знаешь, это помогает мне не думать.

Он подошел вплотную, забрал сигарету, докурив за одну затяжку и ткнул окурочек в пепельницу на столе.

— Заканчивай, Машка, серьезно говорю. Усугубляешь ведь только.

— Телевизора насмотрелся? — почти враждебно отозвалась она и, отойдя, вспрыгнула на столешницу возле плиты — даже в этом они с Мариной были похожи. — Типа — капля никотина убивает лошадь? Знаешь, что дальше?

— А то! — усмехнулся Хохол, устраиваясь за столом. — Пусть, дура, не курит. Речь-то не об этом, Машка. Не о вреде курения для лошадей.

— Жень, да знаю я все, — с досадой пробормотала Маша, трогая пальцем прозрачную крышку сковороды, где аппетитно шкворчали разо-

греваемые блинчики с мясом. — Но вот по-
верь — иной раз ночью такое в голову лезет...

— И что, покуришь — делается легче?

— Нет, но...

— А раз «нет» и «но» — вот и бросай, — под-
вел черту Хохол.

Он с аппетитом принялся за завтрак, краем
глаза наблюдая за Машкой, мелкими глотками
прихлебывавшей крепкий кофе без сахара. Она
еще сильнее похудела, хотя и до этого казалось,
что дальше просто некуда. Марина, когда полго-
да назад увидела ее входящей в зал прилета аэро-
порта «Хитроу», смахнула с ресниц слезы и про-
бормотала:

— Мне кажется, что ей сейчас только крылья
за спину — и она улетит, исчезнет...

Маша тогда провела у них почти месяц, мало
выходила из своей комнаты, все больше спала
или писала что-то в толстой тетради на пружин-
ке — на столе всегда валялись простые каранда-
ши с чуть искусанным концом. Никакие попыт-
ки вытащить ее погулять или проехаться по го-
роду не увенчивались успехом, и Марина в конце
концов вообще запретила ее трогать. Единствен-
ным человеком, с которым Машка тогда обща-
лась с удовольствием, был Грегори, сын Мари-
ны. Мальчик приходил в Мышкину комнату
в любое время, и та с радостью уделяла ему вре-
мя, читала привезенные в подарок русские книж-
ки, что-то рассказывала и отвечала на многочис-
ленные вопросы любопытного Грега. Хохол
и Марина были рады, что хотя бы их сыну удает-
ся отвлечь Мышку от тяжелых мыслей о болезни.

— Ты смотри, если надоест — не церемонься, выгоняй его, — говорила Марина, но Маша только качала головой:

— Ну, что ты! С ним так интересно — он мне много забавных вещей рассказывает, про свою школу, например. Я же одна совсем с ума сойду.

«А какого же черта тогда ты нас-то избегаешь?!» — хотелось рывкнуть Хохлу, но он понимал — нельзя. Ребенок не жалеет, не смотрит сочувственно, он просто интересуется тем, что его волнует — и это как раз не Машкина болезнь, а совершенно посторонние вещи: сколько уроков бывает у Алены, сколько времени она проводит на тренировках, много ли им задают. В общем, как раз Грег сумел отвлечь Машку от предшествовавшей поездке госпитализации и почти двухмесячного курса тяжелейшего лечения.

Сейчас, спустя полгода, она выглядела намного лучше, хотя и похудела до безобразия. И эти ее черные волосы... Они давали слишком много сходства с Мариной, особенно когда Маша сидела, опустив голову, и длинные, ниже плеч, пряди почти полностью скрывали лицо. Хохол не видел ее с другим цветом, хотя Марина говорила, что в момент знакомства Мышка была блондинкой, а потом какое-то время — рыжей, с короткой стильной стрижкой. В черный же она перекрасилась после того, как услышала о диагнозе от врача, и с тех пор больше не менялась, разве что длина волос указывала на пройденный курс лечения — после выхода из больницы Мышка вынужденно стриглась покороче.

— Хорошие блины, — заметил Хохол, нарушая тягостное молчание, заполнившее кухню.

— Как чувствовала, что гости будут, — откликнулась Маша, садясь прямо и убирая волосы за спину. — Я, когда одна, совсем не готовлю — все равно есть не могу, чего ж впустую...

— Служба доставки тебя, видимо, по голосу уже знает, — Хохол кивнул в угол, где стояли пластиковые коробочки с эмблемой японского ресторана, в котором Машка обычно заказывала суши, роллы и мисо-суп.

— Знает, — подтвердила она, даже не улыбувшись. — Мой врач говорит, что я держусь в одной стадии так долго как раз потому, что постоянно ем водоросли и морепродукты. У японцев почти не бывает запущенной онкологии.

— Дура ты, — вздохнул Женька.

Эти разговоры всегда наводили на него бесильную тоску и вызывали злость — ну, почему это должно было случиться с человеком, не сделавшим никому особого зла? Машка, всю жизнь, со школы еще, работавшая в больнице, видела столько человеческого горя и боли, что, возможно, просто не смогла справиться, не смогла перебороть в себе чужие страдания. Марина часто повторяла, что онкология — это болезнь внутренней неуверенности, каких-то тщательно скрываемых страхов и переживаний. Он не верил, как не верят все здоровые люди — им просто страшно вникать в это.

— Давай я тебе постелю, ты поспишь? — предложила Машка, спрыгивая со своего импро-